

РАССКАЗЫ

Tombe la neige

Она любила гулять под снегопадом. Если вечером шёл снег, она, вне зависимости, гуляла до этого с Рэксом или нет, издавала короткий свист, говорила таксе волшебное слово «гулять», и они вдвоём отправлялись на улицу.

Снегопад – какое-то совсем отдельное явление природы. Он не дождь, не сушь, он сам по себе.

Снежинки кружились вокруг фонарей будто рой, будто круговерть лепестков в мае.

Она спускала Рэкса с поводка, и он отправлялся рыскать по окрестностям, а она стояла под фонарём и смотрела на него, словно насекомое, словно бабочка.

Она открывала рот, чувствовала языком и нёбом холодные прикосновения снежинок. Снег скапливался на её плечах, шапке. Иногда снежинки падали ей в глаза и выходили каплями, неотличимыми от слёз.

В её квартире царил неуют одинокой сорокалетней женщины. В подъезде пахло сыростью из подвала и кошками. Балкон был стар настолько, что она уже не решалась на него выходить.

Она преподавала самый ненужный из предметов – французский язык. Боялась всех собак, кроме своей.

Она гуляла до поздней ночи, до той поры, когда на улице не оставалось никого, кроме неё и тех редких прохожих, которых, по-хорошему, стоило бы опасаться.

Она пела под фонарями «Tombe la neige», её тянуло танцевать, но парные танцы не танцуют в одиночку.

Такса Рэкс прибегал из темноты, останавливался рядом вплотную, чувствуя рёбрами её ногу в толстом чулке.

Домой не хотелось отчаянно. Там была холодная постель, книги, телевизор и пустота, а тут хоть какое-то утешение.

– Tombe la neige, – без акцента шептала она.

Легенда гласит, что Сальваторе Адамо написал эту песню, когда ехал через густой снегопад и услышал по радио новость о том, что его жена разбилась, не справившись с управлением автомобиля. Ехал, смотрел на снег, плакал и пел, сочиняя на ходу.

Ей некогда было терять. Она любила за свою жизнь только одного человека, но он оказался женатым, с месяц поиграл ею и бросил. Она была некрасива, неразговорчива. Ей нечем было удержать его. Он нашёл кого-то ещё, потом ещё. Он так жил и не видел в том ничего предосудительного.

Каждый вечер в самом конце прогулки она входила в его подъезд, она знала код подъездной двери, поднималась на его невысокий этаж, колола булавкой палец и роняла всего одну каплю на серую плитку подъездного пола.

Игорь Малышев родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование, работает инженером на атомном предприятии. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Юность» и др. Автор десяти книг. Финалист премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер». Живет в Ногинске Московской области. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказы (2024, № 5-6).

А он, отправляясь утром на работу, целовал жену, крошек-дочурок и выходил на лестничную площадку. Доброжелательная улыбка пропадала с его лица. Он смотрел на пол, находил красно-бурую каплю и, воровски оглянувшись, растирал её подошвой ботинка.

Весна

Девушка неумна. Она только что украла в ювелирном магазине, где работала, серёжки с бриллиантами и идёт по городу. Город в весне. Всюду ручьи. Солнце спит, отражается в ручьях, плавающих снегах, мокрых ветках, наливающихся соком из зашевелившихся недр земли.

Девушка делает шаг за шагом, и каждый из них – словно самый важный её шаг по земле.

В ушах её сияют полярными звёздами якутские полярные бриллианты. Она счастлива, без страха и чёрных мыслей. Она вся здесь, на крайней точке, на самом острие той иглы, что зовётся временем её жизни.

Вот идёт навстречу старичок. Вот он уронил палочку, на которую опирался. Вот она подняла её и улыбнулась так, что старичок, наверное, должен бы от счастья жить вечно. Может, так и будет.

Вот она выгребла из кармана последнюю мелочь, несколько сот рублей, и отдала их нищему деду, который играет на гармошке. Играет ни в такт, ни в лад, но она останавливается около него и, осияв улыбкой, начинает кружиться, начинает танцевать. Танцевать как самая красивая девушка в мире, и старик – о чудо! – начинает играть ровно, несколько не фальшивя, не сбиваясь, и даже с какими-то будоражащими сердце вариациями.

Она сияет. Мир сияет. Сияет лицо старика и кнопки на его гармонике.

У водосточной трубы сидит котёнок. Серый, с грязными ушами и гноящимися глазами. Ему больно смотреть на яркий от весны мир, он щурится, моргает и зябко перебирает лапками с серыми и розовыми подушечками. Котёнок чуть выше ботиночка девушки. Он ничей, и жизнь его не дороже капли талой воды.

Девушка берёт на руки маленького гадёныша. Гадёныша не потому, что плох или зол, а потому что гадок на вид. Тот растерянно взмываюкает у неё в ладонях и, вытягивая дистрофическую шею, озирается, будто ищет кого.

Она обводит сияющими, как весна, глазами улицу, и возле неё останавливается человек в стильном пальто, пёстром кашне и чёрной шляпе.

– Возьмите котёнка, – говорит она.

Человек смотрит на них, не понимая, зачем он вообще остановился. Потом берёт тощего блохастика, лицо его глупеет и становится мягче размокшего хлеба. Человек бормочет ей слова благодарности и, стараясь не поскользнуться на раскисшем асфальте, теряется в городской пучине.

Девушка знает, что она самая красивая на этой улице, в этом районе, в этом городе, она красивей весны, красивей капли, и с ней, похоже, согласны все.

Она проходит мимо ссорящихся влюблённых, ссорящихся глупо, грязно, бессмысленно, и парень внезапно замирает, словно приняв разом все обвинения, что обрушиваются на него, хватая подругу обеими руками, прижимает к себе так крепко, как только может. Подруга некоторое время колотит его по спине, требуя отпустить, потом смиряется и обнимает в ответ. Тишина, покой, любовь.

Тысячью лучей отзываются бриллиантовые серёжки в ушах девушки на призыв весны.

Воробьи в лужах поют свои оратории. Солнце-замарашка плещется в лужах, не чувствуя вины.

Краденые бриллианты сияют так же ярко, как купленные.

Девушка брызжет яркогубой улыбкой, бриллиантовые брызги разлетаются из-под её башмачков.

Да-да, там, в ином мире, за ней уже выехала опергруппа сети ювелирных магазинов и звонит в пустую квартиру, где из живых только давно не политый столетник да чайный гриб, доставшийся ей в наследство от почившей в прошлом году бабушки. У неё не самая одушевлённая семья. Хотя как знать?.. Много мы знаем о столетниках и чайных грибах?

Иди, девушка, иди. Ты вдыхаешь жизнь в этот мир, и потому иди, иди. Сегодня ты самая красивая в этом городе, стране, а может, и во всём мире.

Башмачки грязны. Королеве негоже ходить грязнулей. Элегантно, как и надлежит особе королевской крови, ты останавливаешься на обочине тротуара, снегом, мокрым, крупитчатым, как пшённая каша, если бы только можно было варить пшённую кашу из бриллиантовых кристаллов, вытираешь обувь.

Ни одна королева красоты не идёт так ни по одному подиуму, как ты по главной улице своего небольшого города.

Ты несёшь весну, ты и есть весна.

Тронула помпон шапочки третьеклассника, несущего домой тяжкий груз домашних заданий, троек и двоек, третьеклассник замер, открыл рот, где вперемежку с молочными выделялись иззубренностью и белизной коренные зубы. Ты не знаешь, но станешь для него образом любви, весны и красоты. Его жена будет похожа на тебя, да и три дочки, что родятся ещё очень нескоро, тоже.

Молодому, претендующему на стиль человеку, смешавшему в одежде золотой, лиловый и зелёный, любителю трескучих, избитых и бездарных фраз, ты мимоходом наступаешь на ногу, и он вдруг спешит домой, чтобы навсегда забыть о нелепых цветах и трескучих фразах.

Глядящий в окно мэр города видит тебя и, сколь внезапно, столь и окончательно, решает, что полоумная поэтесса лет семидесяти, что стоит сейчас перед ним с напыщенным, преданным всему самому светлому лицом, всё же нуждается во внимании и снисхождении. Поэзия, весна, любовь... Есть что-то в этом вечном хламе.

– Будет вам поэтический фестиваль, – говорит мэр, провожая глазами девушку в ворованных серёжках. – Ну, почему нет, в конце концов?

А девушка продолжает своё триумфальное шествие.

...Магазин, точнее, торговая сеть не захотела негативного пиара из-за дыр в безопасности и решила не подавать заявления. Немного покошмарила девушку, а вместе с ней и других продавщиц, и тем ограничилась.

Девушку уволили. Но она уже через неделю устроилась в «Пятёрочку» рядом с домом. Пусть и лишилась бриллиантовых серёжек.

Если честно, она до сих пор надеется, что однажды встретит того человека в пёстром кашне и шляпе, что взял у неё котёнка.

И она дождётся.

Жизнь в лунном свете

Мой друг Роман, Ромик, как мы звали его в детстве, Роман Львович, или просто Львович, как стали звать его, когда он вырос, в определённый период своей жизни работал опером. Сразу после вылета из Калужского педагогического университета.

И вот он рассказывал, как провёл своё первое задержание.

Это был год девяносто седьмой, мы ехали на электричке Москва – Калуга. Конечно же, предварительно немного затарились. Во-первых, «русские йогурты» – пластиковые стаканчики, запечатанные сверху фольгой. В стаканчике – водка. Водка и пластик – убийственное сочетание. Во-вторых, по поллитра «тяжёлого» пива. «Тяжёлого» – это когда в пиве градусов восемь. Иногда десять. Редко – двенадцать. В девяностые такие сорта были популярны. По голове били как молоток.

Мы ехали с Ромиком в электричке и, не спеша, употребляли «русский йогурт» с пивом. Да ещё у Ромика была шоколадка «Флинт», что-то вроде «Баунти», впрочем, неважно.

Ромик возвращался из Обнинска. Там находился ментовской институт повышения квалификации. Он ездил туда по понедельникам и пятницам, а в остальное время работал в калужском УГРО опером.

– Это был мой первый выезд. Дом, барак, деревянный, длинный. В нём злодей. На злодее два трупа. Мы приехали, надо брать.

Сколько я помнил Ромика, он никогда не был бойцом. Да, он довольно рослый, стройный, без худобы, лицо его состоит из крупных деталей – нос, губы, лоб, всё крупное, но тем не менее эти детали как-то умещаются на его голове, вполне обычной по человеческим меркам. В общем, выглядит Ромик мужественно, если не сказать грубовато, но он не боец, нет.

– Мне говорят, иди туда, в барак, бери злодея. А мы тут свет отключим, чтобы тебе легче было. Я вошёл в барак, знаю, он там. Знаю, он уже увидел нашу машину, ждёт.

Ромик усмехнулся, покачивая в руке половинку «йогурта».

Электричка билась о рельсы, громыхала, рывкая и негодую на стыках. До Калуги шестьдесят километров, электричка вела долгий шумный разговор.

– И вот этот пустой барак. Снег вокруг. Полнолуние. Луна огромная, так что понимаешь, откуда взялось выражение «ночное солнце». Светит. Я вхожу, у меня «макаров». Иду по коридору, там какая-то обувь, хлам. Все двери открыты, и из них луна. Видно как днём... Свет отключили.

– А как должно было отключение света облегчить задержание злодея?

– Ой, откуда я знаю? Я молодой опер. Мне сказали, иди бери его, мы свет отключим. Я достал пистолет и пошёл.

Я кивнул, давая понять, что я с ним, с Ромиком.

– Иду по коридору. Полы скрипят, сдают меня с потрохами. Иду, заглядываю в комнаты, машу стволом.

Всё вокруг синее-синее от луны. И я двигаюсь в этом сиянии, будто плыву.

Опыта у меня никакого. Мне страшно, и в то же время интересно.

Луна везде, в каждом окне, на каждой половице. На мебели, в стёклах окон, всюду.

И вот я подхожу к одной комнате, заглядываю внутрь. Включается свет, я вижу, что рядом стоит злодей, и он занёс для удара утюг. Острым концом вниз, чтобы наверняка.

И всё, больше никакой романтики, никакого лунного света.

– Руки вверх, – говорю я ему.

А он стоит так близко, что смог бы и сейчас, наверное, ударить меня утюгом в голову. Но он опускает утюг, кладёт его на стоящий рядом продавленный диван, словно давно ждал этого момента.

– Руки вверх, – повторяю я.

Он поднимает руки как-то обречённо и без интереса. Большой, на голову выше меня.

Мне кажется, он равно хотел как отоварить меня утюгом, так и сдаться.

– Взяли его?

– Конечно. Он и не сопротивлялся. Но лунный свет... Какой же там был лунный свет.

Я смотрел на него, сочувствуя и понимая.

Поэт

По большому счёту, он был юродивым. Или кем-то очень близким к тому.

Впервые я увидел его на улицах нашего Ногинска. Он шёл, длинный, нескладный, с лёгким радостным безумием во взгляде.

Волосы длинные, на лбу берестяной поясок, как у БГ на одной известной фотографии. Он и был фанатом БГ. Учился в педучилище, пел и сочинял в группе «Greenhouse» – «Теплица», и даже

в этом названии уже слышалось что-то неприспособленное к жизни в наших широтах. Она из песен называлась «Размышления друида поутру в очереди за пивом».

– У Гребня, вроде, была песня «Проснувшись, друид идёт за пивом», – сказал я ему.

– Это её продолжение, – ответил он.

Помню, садимся мы как-то выпить у меня дома, а жил я на первом этаже, выглядываю в окно и вижу, как Дмитрий входит в мой подъезд.

– Вот откуда он знал, что здесь бухают? – спрашиваю я кого-то из гостей, наблюдавшего вместе со мной за приближением незваного гостя.

Мы недолюбливали его, как недолюбливают здоровые юродивых. (Прости нас, Дима.) Для нас он всегда балансировал на грани объекта грубых шуток, жалости и лёгкого отвращения. Никто из нас ни в малейшей степени не хотел бы заразиться и хоть в чём-то стать Куличихиным.

Когда в дверь позвонили, я впустил его. Возможно потому, что в русской традиции глубоко коренится установка не обижать людей не от мира сего.

Он окончил пед и исчез из поля нашего зрения до появления соцсетей. Потом обнаружился во ВКонтакте, мы снова стали общаться.

Он писал стихи. Интересные. Без дураков.

...а я закроюсь в книгу, спрячусь в буквы
Затем, что за окном раснежилась зима,
Затем чтоб заглушить одышку тишины,
Затем что Вы
Беспечно веселитесь и безрассудны Вы весьма.

Затем что слух идёт о Вас не лестный...

И, может, так случится,
Что через много лет
Возьмёте книгу вы
в библиотеке местной,

и сбивчивый её сюжет
Вас приведёт к странице
исчёрканной заметками по кругу...

И Вы вдруг улыбнётесь (как улыбаетесь сейчас –
и никогда потом), мой почерк в книге обнаруж.
И, на уснувшего с газетой возле Вас
Устало посмотрев,
Вы выйдете пройтись – одна,

Без мужа...

Поэт Александр В., когда Дмитрий однажды прочитал ему стихи, всерьёз сказал своим спутникам:

– Господа, среди нас поэт.

И пригласил к столику, где заседал с компанией. Потом дал свой телефон и пообещал проводить на свои выступления.

Дмитрий как-то раз и вправду провёл нас, человек пять, бесплатно на концерт В. И было видно, что ему нравится показывать, что он тоже что-то может в этом мире. Потому что мог он очень мало. Работы менял одну за другой, пил, как и положено поэту, много, безоглядно.

Как-то взял кредит, в числе поручителей указал В., и кредиторы потом замучили того вопросами, когда Дмитрий отдаст долг. Даже не вопросами, наездами. Так что после этого В. позвонил Дмитрию и, отчитав, запретил звонить и приказал забыть о его существовании.

– Ты зачем вообще указал его? – спросил я.

– Не знаю, – пожал он плечами.

Потом Дмитрий вроде подуспокоился в части алкоголя, устроился работать на книжный склад, ему, как фанатичному читателю, там было самое место, и на несколько лет жизнь его наладилась.

Он завёл собачку Еву, коротконогую дворняжку. Часто присылал мне фотографии, как они гуляют по окрестностям Балашихи. Там он родился и жил после смерти матери один с Евой в довольно большой, с высокими потолками квартире.

Как-то прикипел к церкви. Ходил в храм, читал святых отцов, что-то писал мне по поводу прочитанного. А вот стихи писать перестал. Я говорил ему, что надо продолжать, пробовать, стараться.

– Не получается, – отвечал он.

Иногда, видимо, по пьяни присылал мне среди ночи строчки, двустихия. Но стихов не было. Кончились.

У него появилась подруга с того же книжного склада. Потом он с ней жёстко и прилюдно поругался на работе, вроде бы даже швырнул разрезным ножом в стену. Подруга завопила, что он хочет убить её. Его выгнали. Он запил. Тут же рядом возникли «добрые друзья» – кавказцы, приносили алкоголь, держали в запое. Между делом подсунули документы на один микрозайм, другой...

А потом сказали, что квартиру придётся продать, чтобы рассчитаться с долгами.

Это был юродивый, телок на верёвочке, и если за верёвку бралась умелая рука, она могла отвести его куда угодно.

Сам по себе бредёт трамвай
и, точно так же, бродят строки –
К тебе вот ангел заглянул на чай,
ко мне стучится кто-то строгий.

Он пропал из вида на несколько лет. Мы были уверены, что его убили из-за квартиры, а потом он внезапно объявился во Владимирской глубинке, куда его вывез некий Мага, поселил в доме с непонятным статусом, сказал, что это сдача с его квартиры в Балашихе. Он как-то и не отчаялся, говорил мне, что Мага хороший, заботится о нём, приезжал к нему раза два.

Устроился работать на лесопилку. По выходным, в холодное время подрабатывал истопником в храме посёлка Чертково. Пил, но уже совсем аккуратно.

В нём чувствовался большой комплекс вины. Может, за раннюю смерть родителей, может, ещё за что.

Собака Ева переехала вместе с ним, потом умерла.

Он читал жития святых, стихов, как я ни уговаривал, писать не начал.

«Проклятый поэт». Написал, что мог, за пару лет и замолчал.

Он как-то сразу начал присматриваться к войне. Читал про «вагнеров», даже звонил им, но чаще по пьяни, и они не принимали его всерьёз.

Колол дрова себе и соседям. Запасался сахаром и крупами.

Собаку снова завести так и не смог.

...её дом на краю посёлка,
где в глубокий колодец
упала звезда –

звонко и колко.
В тот глубокий колодец
Прячутся синие тени
и эльфы над ним ведут хороводец.

Фиолетовый волк
прячется в сени
и выбегает, чтоб встретить хозяйку.
А если беда взойдёт на ступени
Волк берет балалайку.

А в комнате запах
Мёда и хлеба,
а в комнате топится печь...
И песни спускаются с млечного неба,
Чтоб лечь на уста и сберечь.

Её дом на краю посёлка
И я захмелел, выпив воды
из колодца.
Там растёт синяя ёлка –
– растёт... аж до самой
Звезды.

Разговоры с ним я, гордец, обычно рассматривал как милостыню. «Что ж, поговорю с убогим». Хотя вру, конечно. Периодически с ним бывало интересно, хотя он часто и тянул с ответами так, что я уставал ждать.

Но была в нём какая-то последняя искренность. Прощаясь, он говорил не «до свидания», а «спасибо». «Спасибо». Что уделил время, выслушал. А ведь первой реакцией на его звонок всегда было желание сбросить, послать. Впрочем, у меня на большинство звонков такая реакция, просто на него она была особенно жёсткой. Но мы разговаривали, иногда даже подолгу. Он втягивал в свой тягучий ритм с замедленными ответами, паузами и непониманием, что происходит с ним самим и миром.

Потом вдруг позвонил:

– Игорь, администрация посёлка предлагает мне записаться на СВО, – с паникой в голосе сказал он.

– Не соглашайся, если не хочешь.

– Я не хочу.

– Вот и не соглашайся.

– И Барин (хозяин лесопилки, где он работал) говорит: «Если не хочешь, не пойдёшь. Я им не позволю».

Потом было ещё несколько звонков, он рассказывал, что ему снова предлагают подписать контракт. А десятого декабря двадцать третьего года позвонил и сказал:

– Я подписал контракт.

– Зачем? – всё во мне всколыхнулось. – Ты ж не боец, не воин.

Хотелось сказать, что он размазня, некультипистое сооружение, но я не сказал.

– Зачем? – спросил я.

– Я не знаю, – честно и пусто ответил он. – Не знаю.

Пятнадцатого декабря двадцать третьего года он позвонил мне в последний раз.

– Послезавтра еду в военкомат, потом дальше...

Больше не писал и не звонил.

Девятнадцатого февраля мне написала неизвестная женщина.

«Игорь, Дмитрий Куличихин погиб 7 января на Купянском направлении возле деревни Синьковка».

Погиб через три недели после нашего последнего разговора, когда его ещё даже не забрали в армию. И уже через три недели – мёртвый под Синьковкой «на купянском направлении».

Кто бросил его необстрелянного, большого, нескладного в огонь, в мясорубку? Всего три недели от мирной, пусть и вкрай неустроенной жизни, до могилы.

Покойся с миром, Дима. Дмитрий Куличихин. Один из великого множества проклятых русских поэтов. Неустроенных, неприкаянных, никому на всём свете не нужных.

Оторопевший синий свет.
Дождём линованное небо.
Стихов бродячий силуэт
не дарит благодать,
Не обещает хлеба.

Сам по себе бредёт трамвай
и, точно так же, бродят строки –
К тебе вот ангел заглянул на чай,
ко мне стучится кто-то строгий.

и значит, мне спешить домой нет смысла;
окно, тетрадь и карандаш уже готовят пытку; –
жить по друзьям? –
смешать дни, ночи, числа? –
не много толку –
случайностей намёк рвёт пульса нитку.

Вокзал пустой, трамвай пустой
рассеять в сумрак боль способны.
Здесь тени тех, кто навсегда со мной,
мне помнить их,
они в том не виновны.

Здесь тень твоя,
она слезою станет в миг,
молитвою, луной сквозь тучи.
Ведь ты наука лучших книг,
Которую никто по книгам не изучит.